

BEYNƏLXALQ MÜNƏSİBƏTLƏR – INTERNATIONAL RELATIONS

UOT: 94(479)1991/2020:327(4-672EU)

AVROPA İTTİFAQININ CƏNUBİ QAFQAZ SİYASƏTİ
(1991-2020-ci illər)

©2025

TURAN QASIMOVA*

*AMEA A.A.Bakıxanov adına Tarix və Etnologiya İnstitutu
ORCID: 0009-0002-4699-6889; email: gasimova.turan@yandex.com
<https://doi.org/10.59849/2523-4765.2025.2.95>

Xülasə:

Məqalədə Avropa İttifaqının İkinci Qarabağ müharibəsinə qədər Dağlıq Qarabağ münaqişəsinin tənzimlənməsindəki rolu təhlil olunur. Tədqiqat Avropa Parlamentinin, Avropa İttifaqı Şurasının və ATƏT-in sənədlərinə, eləcə də elmi ədəbiyyata əsaslanır.

Metodoloji baza tarixilik və obyektivlik prinsiplərini əhatə edir. Əsas mərhələlərin müəyyən edilməsi üçün problem-xronoloji metod tətbiq olunur; Avropa İttifaqının yanaşmalarını ATƏT-in Minsk Qrupunun fəaliyyətləri ilə müqayisə etmək üçün müqayisəli analiz aparılır; həmçinin Avropa strukturlarının sülh prosesində rolu və funksiyalarını nəzərdən keçirməyə imkan verən institusional yanaşmadan istifadə olunur.

Aparılmış təhlil göstərir ki, Avropa İttifaqının iştirakı əsasən deklarativ və humanitar xarakter daşıyıb: qaçqınlara və məcburi köçürülmüş şəxslərə yardım, vətəndaş diplomatiyası layihələrinin dəstəklənməsi və dialoq təşəbbüslərinin irəli sürülməsi. Eyni zamanda siyasi alətlərin məhdudluğu, xarici siyasət yanaşmalarının uyğunlaşmaması və ATƏT-in Minsk Qrupunun üstünlüyü Avropa İttifaqına müstəqil vasitəçi rolunu təsdiqləməyə imkan verməyib.

Nəticə olaraq, 2020-ci ilə qədər Avropa İttifaqı əhəmiyyətli humanitar və normativ potensiala malik olsa da, münaqişənin həllinə real təsiri məhdud qalmış, danışıqlarda əsas rol digər beynəlxalq və regional aktorlara məxsus olmuşdur.

Açar sözlər: *Avropa İttifaqı, Dağlıq Qarabağ münaqişəsi, ATƏT-in Minsk qrupu, sülhməramlı proses, humanitar siyasət, xarici siyasət məhdudiyyətləri*

THE POLICY OF THE EUROPEAN UNION
IN THE SOUTH CAUCASUS (1991–2020)

©2025

TURAN GASIMOVA*

*Institute of History and Ethnology named after A.A.Bakikhanov ANAS
ORCID: 0009-0002-4699-6889; email: gasimova.turan@yandex.com

Abstract:

The article analyzes the role of the European Union in the settlement of the Nagorno-Karabakh conflict before the Second Karabakh War. The study is based on documents of the European Parliament, the EU Council, the OSCE, as well as scientific literature.

The methodological framework includes the principles of historicism and objectivity. The problem-chronological method is used to identify the main stages of the EU policy, a comparative analysis is used to compare its approaches with the activities of the OSCE Minsk Group, as well as an institutional approach, which allows us to consider the role and functions of European structures in the peacekeeping process.

The analysis shows that the EU's participation was predominantly declarative and humanitarian in nature: providing assistance to refugees and internally displaced persons, supporting civil diplomacy projects and initiatives to develop dialogue. At the same time, the limited political instruments, the inconsistency of foreign policy approaches and the dominance of the OSCE Minsk Group did not allow the EU to establish itself as an independent mediator. It is concluded that until 2020, the European Union retained significant humanitarian and normative potential, but its real influence on the conflict settlement remained limited, and the key role in the negotiations belonged to other international and regional actors.

Keywords: *European Union, Nagorno-Karabakh conflict, OSCE Minsk Group, peacekeeping process, humanitarian policy, foreign policy restrictions*

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ
(1991-2020 гг.)

©2025

ТУРАН ГАСИМОВА*

*Институт Истории и Этнологии им. А.А.Бакиханова НАНА
ORCID:0009-0002-4699-6889; email: gasimova.turan@yandex.com

Резюме:

В статье анализируется роль Европейского Союза в урегулировании нагорно-карабахского конфликта до Второй Карабахской войны. Исследование опирается на документы Европейского парламента, Совета ЕС, ОБСЕ, а также материалы научной литературы.

Методологическая база включает принципы историзма и объективности. Применяются проблемно-хронологический метод для выявления основных этапов политики ЕС, сравнительный анализ – для сопоставления его подходов с деятельностью Минской группы ОБСЕ, а также институциональный подход, позволяющий рассмотреть роль и функции европейских структур в миротворческом процессе.

Проведённый анализ показывает, что участие ЕС носило преимущественно декларативный и гуманитарный характер: оказание помощи беженцам и внутренне перемещённым лицам, поддержка проектов гражданской дипломатии и инициатив по развитию диалога. В то же время ограниченность политических инструментов, несогласованность внешнеполитических подходов и доминирование Минской группы ОБСЕ не позволили ЕС утвердиться в роли самостоятельного медиатора.

Сделан вывод о том, что до 2020 года Европейский Союз сохранял значительный гуманитарный и нормативный потенциал, однако его реальное влияние на урегулирование конфликта оставалось ограниченным, а ключевая роль в переговорах принадлежала другим международным и региональным акторам.

Ключевые слова: *Европейский Союз, Нагорно-Карабахский конфликт, Минская группа ОБСЕ, миротворческий процесс, гуманитарная политика, внешнеполитические ограничения*

Введение

Нагорно-Карабахский конфликт, начавшийся в конце 1980-х годов, стал одним из наиболее затяжных и сложных конфликтов на постсоветском пространстве. Его истоки коренятся в этнополитических и исторических противоречиях, которые приобрели острый характер на фоне распада СССР и становления независимых государств Южного Кавказа. В ходе конфликта произошли масштабные боевые действия, гибель тысяч людей, массовый исход населения и тяжёлые гуманитарные кризисы. Уже в 1990-е годы данный регион превратился в арену соперничества различных внешних акторов, среди которых ведущая роль в посредничестве традиционно принадлежала Минской группе ОБСЕ.

Однако с начала 1990-х годов к процессу урегулирования стремился подключиться и Европейский союз, который в этот период находился в стадии институционального становления собственной внешнеполитической идентичности. Маастрихтский договор (1992) и последующие реформы заложили основу для выработки общей и внешней безопасности политики ЕС, но её эффективность требовала проверки в реальных кризисных ситуациях. Южный Кавказ рассматривался Брюсселем как периферийный, но при этом стратегически значимый регион, чья стабильность имела непосредственное значение для энергетической безопасности Европы и для развития инициатив по формированию «пояса добрососедства».

Попытки ЕС играть роль миротворца сталкивались с рядом ограничений. С одной стороны, Брюссель декларировал приверженность принципам международного права, территориальной целостности и необходимости мирного урегулирования. С другой стороны, его практические шаги концентрировались преимущественно на гуманитарной поддержке беженцев и внутренне перемещённых лиц, а также на инициативах по развитию диалога на уровне гражданского общества. Создание поста Специального представителя ЕС по Южному Кавказу, принятие стратегических документов и запуск программ «Восточного партнёрства» и «Европейского партнёрства по мирному урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе» свидетельствовали о стремлении ЕС закрепить своё присутствие в регионе. Тем не менее, ограниченность политических инструментов и необходимость координации с ОБСЕ объективно сдерживали амбиции Брюсселя.

В этом контексте исследование роли ЕС в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта до Второй Карабахской войны позволяет выявить характерные черты европейской внешней политики на постсоветском пространстве: сочетание нормативных заявлений с ограниченной практической эффективностью, стремление укрепить гуманитарное измерение при дефиците действенного политико-дипломатического инструментария.

Историко-политический контекст Нагорно-Карабахского конфликта

Нагорно-Карабахский конфликт представляет собой сложный и многослойный политико-этнический феномен, возникший в контексте дезинтеграции советской системы и становления независимых государств на Южном Кавказе. Его развитие отражало совокупность факторов – от трансформации национальной идентичности и территориальных притязаний до изменения регионального баланса сил и вовлечения внешних актеров. Конфликт постепенно приобрёл черты затяжного кризиса, в котором внутренние и международные измерения тесно переплелись, формируя устойчивую структуру противостояния. В своём развитии нагорно-карабахский конфликт прошёл несколько этапов, каждый из которых имел свои особенности.

Первый этап (1988-1991 гг.) носил характер внутригосударственного конфликта в рамках единого советского пространства. Он проявился в форме столкновения интересов двух союзных республик – Азербайджанской и Армянской ССР – и Нагорно-Карабахской автономной области, населённой преимущественно армянами.¹ В этот период главным требованием армянской стороны выступала идея «миацума», то есть объединения Нагорного Карабаха

¹ Письмо Постоянного представителя Азербайджана при Организации Объединённых Наций от 30 сентября 2009 года на имя Генерального секретаря. с.18. <https://docs.un.org/ru/A/64/475> 06.10.2009

с Арменией. Азербайджанская сторона, напротив, рассматривала сохранение территориальной целостности своей республики как приоритетную задачу. Политика союзного центра в Москве была непоследовательной: ЦК КПСС стремился сохранить статус-кво, объективно поддерживая позицию Азербайджана, поскольку предоставление права на самоопределение армянам Карабаха могло создать опасный прецедент для других автономий. В то же время в условиях «перестройки» и демократизации союзное руководство актуализировало вопрос прав национальных меньшинств и их самоопределения, что укрепляло позиции Армении. Эти противоречия привели к тому, что центральная власть утратила монополию на контроль за развитием событий и способность управлять общественно-политическими процессами, что стало причиной радикализации позиций и эскалации насилия.

Второй этап (1991-1994 гг.) характеризовался переходом конфликта в фазу открытого вооружённого противостояния. Первоначально боевые действия разворачивались между Азербайджаном и армянскими сепаратистскими формированиями Нагорного Карабаха. Однако с вовлечением регулярных воинских подразделений Республики Армения конфликт приобрёл межгосударственный характер. В результате трёх лет интенсивных боёв армянские силы установили контроль почти над всей территорией бывшей Нагорно-Карабахской автономной области, а также заняли значительные территории пяти сопредельных районов Азербайджана – Лачинского, Кельбаджарского, Губадлинского, Зангеланского и Джебраильского, и частично Агдамского и Физулинского. В армянской политической риторике данные территории получили название «пояса безопасности» или «зоны безопасности».

Следует подчеркнуть, что провозглашённая Нагорно-Карабахская Республика (НКР) не была признана ни одним из государств-членов ООН, включая и саму Армению. Несмотря на это, официальный Ереван последовательно поддерживал стремление армян Карабаха к этнополитическому самоопределению, оказывая военную, финансовую и дипломатическую поддержку непризнанной республике. Ключевым связующим звеном между Ереваном и Ханкенди (Степанакертом) оставался Лачинский коридор, обеспечивавший транспортное и коммуникационное сообщение.

Азербайджан, в свою очередь, активизировал усилия по возвращению контроля над оккупированными территориями. Его позиция опиралась на нормы международного права и ряд обязательных к исполнению резолюций Совета Безопасности ООН: №822 от 30 апреля 1993 года, №853 от 29 июля 1993 года, №874 от 14 октября 1993 года и №884 от 12 ноября 1993 года, прямо предусматривавших вывод армянских вооружённых формирований из оккупированных районов.²

² 1993 UN Security Council Resolutions on Nagorno-Karabakh. <https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/or/13508.htm?safe=1>. 20.01.2009

Третий этап (с 1994 года) ознаменовался переходом конфликта в политико-дипломатическую плоскость. Подписание Бишкекского протокола (также известного как Бишкекское соглашение о прекращении огня) 5-9 мая 1994 года стало важнейшей вехой в процессе урегулирования.³ Данный документ был инициирован в ходе переговоров при посредничестве России, Киргизии и Межпарламентской ассамблеи СНГ и предусматривал бессрочное прекращение огня в зоне конфликта. Его ключевая особенность заключалась в том, что соглашение не носило характера полноценного мирного договора и не определяло окончательного политического статуса Нагорного Карабаха, ограничиваясь лишь установлением режима перемирия.

Бишкекский протокол позволил остановить активные боевые действия и зафиксировал линии соприкосновения сторон, тем самым создав условия для перехода к дипломатическому формату переговоров. Однако отсутствие международных миротворческих контингентов и механизмов контроля за выполнением соглашения сделало перемирие крайне хрупким. На протяжении последующих лет оно регулярно нарушалось, что приводило к локальным вспышкам насилия и жертвам среди военнослужащих и мирного населения.

Таким образом, Бишкекское соглашение стало компромиссным инструментом, обеспечившим временную паузу в боевых действиях, однако оно не разрешило фундаментальных противоречий конфликта. Фактически соглашение закрепило «замороженный» характер противостояния: военная активность была приостановлена, однако возможности для достижения устойчивого политического урегулирования оставались крайне ограниченными. Перемирие в регионе регулярно нарушалось и опиралось на динамический баланс сил на местах, что делало процесс стабилизации крайне сложным и требовало постоянного вмешательства международных посредников.⁴

Кризис прежних институтов урегулирования

После того как 30 января 1992 года Армения и Азербайджан стали членами Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ; с декабря 1994 года – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, ОБСЕ), стороны конфликта согласились на подключение данной международной организации к процессу урегулирования. Этот шаг имел существенное политико-дипломатическое значение, поскольку свидетельствовал о готовности сторон конфликта признать роль международного сообщества в качестве нейтрального посредника и подчёркивал необходимость внешнего контроля за процессом переговоров. Вступление в СБСЕ обеспечило правовую и институциональную основу для

³ **Бишкекский протокол.** https://www.hrono.info/dokum/199_dok/19940505_bish.php

⁴ Андрей Владимирович Торопыгин. Бишкекский протокол. Как это было: воспоминания и комментарии. «Евразийская хроника», «Евразийская хроника», 2019, № 1, с. 71-78

последующих международных инициатив, включая мониторинг соблюдения прекращения огня и организацию структурированных переговоров, что позволило создать платформу для системного дипломатического взаимодействия.

24 марта 1992 года Генеральный секретарь СБСЕ предложил на встрече в Хельсинки провести конференцию по Нагорному Карабаху под эгидой организации. В тот же день министры иностранных дел стран-участниц СБСЕ одобрили созыв конференции, в которой приняли участие Армения, Азербайджан, Беларусь, Чехия, Словакия, Франция, Германия, Италия, Россия, Швеция, Турция и США. Основной целью мероприятия было прекращение огня и инициирование политического диалога по вопросу окончательного статуса Нагорного Карабаха. Решение Беларуси использовать Минск в качестве места проведения итоговых встреч закрепило наименование «Минская конференция», а позднее – «Минская группа» (МГ). Формирование Минской группы стало центральным элементом международной координации усилий по урегулированию конфликта, обеспечивая многоуровневое дипломатическое взаимодействие между странами-сопредседателями и другими заинтересованными государствами.

Минская группа, официально получившая мандат ОБСЕ в декабре 1994 года, была создана как постоянный механизм международного посредничества. Впоследствии её деятельность была усилена назначением специального представителя по конфликту и учреждением соответствующего бюро в Тбилиси. Эта структура обеспечивала постоянный контакт со сторонами конфликта, мониторинг ситуации на местах, оперативное реагирование на нарушения перемирия и координацию международных усилий по стабилизации региона. Первоначально основное внимание Минской группы уделялось переговорам на экспертном и дипломатическом уровнях, при этом главными сопредседателями выступали Россия, США и Франция. Выбор этих государств объясняется их значимой ролью на международной арене и стремлением придать процессу урегулирования дополнительный авторитет и нейтральность.⁵

С весны 1997 года переговорный процесс был дополнен механизмом «челночной дипломатии» лидеров государств-сопредседателей, который предусматривал активные визиты на территорию конфликтующих сторон и проведение консультаций на высшем политическом уровне. Несмотря на активное использование данного механизма, он не привёл к достижению значимых результатов, что свидетельствовало о глубине противоречий между сторонами. Основными препятствиями оставались непримиримость позиций по ключевым вопросам, включая статус Нагорного Карабаха, гарантии безопасности населения и контроль над территориями. Данный факт

⁵ Гюнель Мамедова-Алиева. **Образование и деятельность Минской группы ОБСЕ по решению Нагорно-Карабахской проблемы.** Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история №8(48), 2015 г.

подчеркивает, что дипломатическое посредничество без готовности сторон идти на взаимные уступки имело ограниченную эффективность.⁶

Оккупация армянскими вооружёнными формированиями Нагорного Карабаха и семи прилегающих районов, традиционно населённых азербайджанцами, вызвала масштабные перемещения населения. Под угрозой насилия и разрушения жилищ местные жители были вынуждены покинуть свои дома, что привело к гуманитарной катастрофе. В период 1992-1994 годов около 780 тыс. человек были изгнаны или лишены средств к существованию; беженцы и внутренне перемещённые лица составляли примерно 13 % населения страны, что означало, что каждый пятнадцатый азербайджанец оказался в данной категории.⁷ Этот процесс не только создавал острую гуманитарную проблему, но и оказал долгосрочное воздействие на социально-экономическую и демографическую структуру региона, усиливая этническое напряжение, формируя чувство национального унижения и повышая уязвимость местного населения к дальнейшей эскалации конфликта.

В период с 1992 по 2005 годы Минская группа ОБСЕ предложила сторонам конфликта три различных варианта урегулирования, которые должны были стать основой для переговорного процесса. Несмотря на это, ни один из предложенных документов не был принят сторонами, что отражало высокий уровень взаимного недоверия и ограниченные возможности дипломатического давления на конфликтующие стороны. Тем не менее, эти инициативы позволили «заморозить» ситуацию на длительный срок, создавая пространство для дипломатических усилий и предотвращая новое обострение. Учитывая непринятие предложений Минской группы обеими сторонами, основной формой переговоров стал прямой диалог лидеров Баку и Еревана, направленный на обеспечение их личной ответственности за выработку взаимоприемлемых решений. Однако каждая попытка достичь консенсуса сопровождалась жесткой внутривнутриполитической конфронтацией и противоречиями внутри национальных элит, что дополнительно демонстрировало ограниченность возможностей дипломатического посредничества без готовности сторон к компромиссам.

Процесс поиска компромиссного решения продолжался, и в 2007 году сторонам конфликта были представлены так называемые Мадридские принципы – условное название документа, обозначавшего Основные принципы урегулирования нагорно-карабахского конфликта.⁸ Документ предусматривал поэтапное возвращение Азербайджану всех оккупированных

⁶ Якоби Фолькер. **Роль ОБСЕ: оценка международного посредничества.** https://rc-services-assets.s3.eu-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/accord17_p30_OSCE_role.pdf

⁷ **Azerbaijan: Displaced then discriminated against – the plight of the internally displaced population.** Amnesty International June 2007, AI Index: EUR 55/010/2007. <https://www.amnesty.org/fr/wp-content/uploads/2021/07/eur550102007en.pdf>

⁸ **Madrid principles** – Full text. <https://www.deutscharmenischegesellschaft.de/wp-content/uploads/2016/04/Madrid-Principles-%E2%80%93-Full-Text-20071129.pdf>

территорий при предоставлении Нагорному Карабаху «промежуточного статуса», направленного на обеспечение безопасности региона и сохранение его права на самоуправление. Для поддержания транспортной связи с Арменией предусматривался согласованный коридор, а внутренним беженцам предоставлялась возможность возвращения в прежние места проживания. Окончательный правовой статус Нагорного Карабаха должен был определяться посредством волеизъявления с обязательной юридической силой. Сопредседатели Минской группы брали на себя ответственность за обеспечение международных гарантий безопасности и возможное размещение миротворческих сил для контроля за выполнением соглашений.⁹ В итоге был сформирован единый компромиссный вариант, предусматривавший поэтапное урегулирование конфликта через возврат оккупированных территорий при содействии международных миротворцев. План, впервые предложенный МИД России в 2006 году, прошел сложный процесс согласования через многочисленные многосторонние и двусторонние переговоры на уровне глав воюющих стран. Последняя редакция документа была передана сторонам в июне 2019 года сопредседателями Минской группы ОБСЕ. Реакция Еревана на инициативу была крайне резкой и лаконичной: «Новая война – новые территории», что свидетельствовало о готовности Армении в случае возобновления боевых действий расширить зону оккупации азербайджанских земель.¹⁰ Данный ответ продемонстрировал ограниченность возможностей Минской группы ОБСЕ и отсутствие готовности сторон идти на взаимные уступки, что в значительной степени определило дальнейший ход конфликта и подчеркнуло структурные ограничения дипломатического процесса на протяжении более чем двух десятилетий.

Подход ЕС к урегулированию конфликта

В условиях затяжного конфликта международные акторы, включая Европейский союз (ЕС), сталкивались с существенными трудностями в попытках оказать влияние на ход мирного процесса.

Для Европейского союза кризис на Южном Кавказе совпал с этапом институциональных преобразований и становления общей внешней и безопасности политики. Маастрихтский договор 1992 года существенно расширил международные полномочия Союза, однако их практическая реализация проходила проверку первыми серьёзными вызовами и сложной геополитической ситуацией. Южный Кавказ в то время рассматривался Брюсселем как периферийный, но стратегически важный регион. Обеспечение безопасности государств региона трактовалось руководством ЕС как один из ключевых факторов стабильности и процветания Европы. Урегулирование

⁹ Владимир Валерьевич Евсеев. **Нагорный Карабах под углом Мадридских принципов.** – Обозреватель – Observer. – 2015. – №4 (303). – С.44-53.

¹⁰ Олег Кузнецов. **Война за Карабах.** Год спустя. <https://aircenter.az/uploads/files/Voyna%20za%20Karabakh.pdf> 25.10.2021

региональных конфликтов, в том числе Нагорно-Карабахского, рассматривалось как необходимое условие для нормализации торгово-экономического и энергетического взаимодействия, что отражало интересы ЕС в обеспечении безопасности европейских энергетических маршрутов и стратегических проектов в регионе. Тем не менее, участие ЕС в процессе урегулирования конфликта имело ограниченный характер. Во первых, Союз ещё не обладал достаточным политическим единством и отлаженными инструментами кризисного реагирования. Во-вторых, международное сообщество через ОБСЕ закрепило за собой ведущую роль в посреднических миссиях, что вынуждало ЕС действовать преимущественно в координации с Минской группой. В результате европейские инициативы концентрировались на трёх направлениях: дипломатических заявлениях и призывах к прекращению огня, оказании гуманитарной помощи, а также поддержке усилий ОБСЕ по мирному урегулированию конфликта.

Особое внимание Европейский Союз уделял гуманитарной составляющей. Уже в 1992 году Европейское сообщество направило значительные ресурсы через Европейское агентство по гуманитарной помощи (ЕЧНО) для поддержки беженцев и внутренне перемещённых лиц в Азербайджане и Армении. В последующие годы гуманитарная помощь продолжала предоставляться, включая поставки продовольствия, медикаментов, временного жилья и медицинского оборудования, что позволяло минимизировать последствия гуманитарного кризиса и поддерживать базовую жизнедеятельность пострадавших сообществ.¹¹ Значимой составляющей внешнеполитической активности Европейского союза стало участие в дипломатических инициативах по урегулированию конфликтов на Южном Кавказе. Уже в начале 1990-х годов ЕС указывал на необходимость разрешения затяжных региональных конфликтов, однако официальная заинтересованность в подключении к процессам политического урегулирования была зафиксирована только в 2001 году. В январе 2002 года Европейский парламент выступил с инициативой создания должности Специального представителя ЕС по делам Южного Кавказа, направленной на укрепление политического влияния Союза в регионе.¹² После одобрения на саммите в Салониках 20 июня 2003 года документа Хавьера Соланы «Безопасная Европа в лучшем мире»,¹³ положившего основу Европейской стратегии безопасности, окончательное решение о создании указанного поста

¹¹ **Internally Displaced Persons in Azerbaijan Livelihoods, Services and Intentions.** April 2023 Social Sustainability and Inclusion Global Practice

¹² **European Parliament resolution on the communication from the Commission to the Council and the European Parliament on the European Union's relations with the South Caucasus, under the partnership and cooperation agreements (COM (1999) 272 – C5-0116/1999 – 1999/2119 (COS)).** – Brussels, 28.01.2002.

¹³ Solana Javier. **L'Europe sure dans un monde meilleur. Conseil Européen de Thessalonique.** 20 juin 2003. Сайт Совета ЕС. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/FR/reports/76256.pdf

было закреплено 12 декабря 2003 года.¹⁴ 7 июля 2003 года на заседании Европейского Совета Хейкки Талвитие был назначен первым Специальным представителем ЕС по вопросам Южного Кавказа, призванным представлять интересы всего Союза в отношении трёх государств региона.¹⁵

Функции Специального представителя предусматривали содействие в проведении политических и экономических реформ, предотвращение и разрешение существующих конфликтов, содействие возвращению беженцев и внутренне перемещённых лиц, поддержку внутригосударственного и регионального сотрудничества, а также повышение последовательности и эффективности политики ЕС на Южном Кавказе. Кроме того, должность предусматривала развитие контактов с правительствами, парламентами, судебными органами и гражданским обществом для содействия мирному урегулированию конфликтов, борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью.

Несмотря на заявленные цели и политическую значимость должности, деятельность Специального представителя ЕС не привела к ощутимым результатам. Основной причиной этого являлось отсутствие достаточных рычагов влияния и институциональных механизмов, которые могли бы обеспечить реальное продвижение в переговорах.¹⁶ После назначения 20 февраля 2006 года шведского дипломата Петера Семнеби новым Специальным представителем Европейского Союза на Южном Кавказе, Брюссель окончательно отказался от идеи прямого политического вмешательства, ограничившись функцией «оказания содействия» в переговорах и постконфликтном восстановлении.¹⁷ По оценке П.Семнеби, «Европейскому союзу необходимо было более активно присутствовать в переговорном процессе, использовать свой политический и финансовый вес для содействия примирению, согласовать усилия с основными партнёрами и инициировать планирование собственной роли в урегулировании конфликтов».¹⁸

¹⁴ Совет ЕС. **Европейская стратегия безопасности. Безопасная Европа в лучшем мире. Сайт Совета ЕС** URL: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsdata/librairie/PDF/QC7809568RUC.pdf> 12.07.2013

¹⁵ **Council Joint Action 2003/496/CFSP of 7 July 2003 concerning the appointment of the EU Special Representative for the South Caucasus.** OJ, L 169/74. 08.07.2003. https://eur-lex.europa.eu/eli/joint_action/2003/496/oj/eng

¹⁶ Coppieters Bruno. **EU policy on the South Caucasus. Policy paper at the request of the European Parliament Committee on Foreign Affairs, Human Rights, Common Security and Defence Policy.** – Brussels. 2004. P.4. Сайт Европейского Парламента. URL:<http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/committees/afet/2004Q.120/wider%20europe%20caucasus.pdf>.

¹⁷ Samuel Lussac. **Geopolitique du Caucase. Au carrefour energetique de l'Europe de l'Ouest.** Paris.: Technip, 2010. P.71.

¹⁸ Семнеби Питер. **Южный Кавказ в поисках идентичности.** 22.10.2011. Сайт журнала Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Yuzhnyi-Kavkaz-v-poiskakh-obschei-identichnosti-l-5363>

Примечательно, что миссия Специального представителя ЕС на Южном Кавказе в период 2003-2008 годов заключалась главным образом в поддержке переговорного процесса между конфликтующими сторонами и в содействии деятельности ОБСЕ в регионе.¹⁹ Важным этапом стало принятие 20 мая 2010 года Европейским парламентом резолюции «Необходимость стратегии ЕС на Южном Кавказе»,²⁰ в которой особое внимание уделялось «замороженным» конфликтам региона, включая Нагорно-Карабахский конфликт. В документе подчёркивалось, что затяжные конфликты негативно влияют на социально-экономическое развитие Южного Кавказа и представляют угрозу безопасности за пределами региона. Резолюция рекомендовала ЕС активизировать усилия по разрешению конфликтов, учитывая политические и экономические аспекты кризисных ситуаций. Появление программы «Восточное партнёрство» и вступление в силу Лиссабонского договора²¹ (1 декабря 2009 года) предоставляли ЕС дополнительные возможности для выработки комплексной стратегии в отношении региона, опирающейся на экономические стимулы и развитие диалога между странами Южного Кавказа.

Особое внимание резолюция уделяла принципу территориальной целостности государств региона, признавая международно признанные границы Азербайджана и подчёркивая неприемлемость сохранения статус-кво, установленного насильственным образом. Европейский парламент призывал к выводу армянских войск с оккупированных территорий Азербайджана и возвращению сотен тысяч беженцев в их законные места проживания. Принятие резолюции демонстрировало готовность ЕС содействовать мирному разрешению конфликта через укрепление доверия между сторонами, развитие диалога и поддержку культурных, политических и экономических инициатив, согласованных с Минской группой ОБСЕ.

Тем не менее, несмотря на декларативную поддержку и стратегические документы, действия ЕС оставались ограниченными. Союз предпочитал не вмешиваться в дела Минской группы, а Азербайджан неоднократно обвинял ЕС в применении двойных стандартов в отношении конфликтных ситуаций²². Разная степень вовлеченности ЕС в международные конфликты и отсутствие единого механизма урегулирования существенно ограничивали способность

¹⁹ Фархад Гусейнов. **Азербайджан в геополитической стратегии Европейского Союза. Кавказ и глобализация.** Журнал социально-политических и экономических исследований. Институт стратегических исследований Кавказа. Т.4. Выпуск 3-4. – Швеция: CA&CC Press, 2010. С.46.

²⁰ **Resolution du Parlement Européen du 20 mai 2010 sur la nécessité d'une stratégie de l'Union Européenne en faveur du Caucase du Sud.** (2009/2216 (INI)). Сайт Европейского Парламента. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=//EP//TEXT+TA+P7-TA-2010-0193+0+DOC+XML+V0//FR>

²¹ **Lisbon Treaty.** <https://www.consilium.europa.eu/en/lisbon-treaty/?utm> 21.11.2019

²² **Азербайджан призвал ЕС не допускать двойных стандартов в карабахском конфликте.** <https://news.day.az/politics/314687.html> 10.02.2012

Союза выработать согласованную и эффективную позицию по Нагорно-Карабахскому конфликту.

В период с 2010 по 2019 годы ЕС последовательно финансировал ряд проектов, направленных на укрепление доверия между сторонами, используя механизм Европейского партнёрства по мирному урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе (European Partnership for the Peaceful Settlement of the Conflict over Nagorno-Karabakh).²³ Основная цель этой инициативы заключалась в создании устойчивой платформы для коммуникации между Специальным представителем ЕС, различными структурами ЕС и представителями гражданского общества Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха. Программа ориентировалась на «мягкую дипломатию», стимулируя диалог и укрепляя взаимное доверие, несмотря на ограниченные возможности влиять на официальные переговоры.

Проекты в рамках партнёрства охватывали гуманитарные, культурные и образовательные инициативы, включая совместное осмысление исторического опыта и разработку перспектив мирного сосуществования. Тем не менее, эффективность таких инициатив зависела от политического контекста. В Азербайджане программы Европейского союза воспринимались с осторожностью, обусловленной опасениями, что они могут способствовать легитимизации существующего статус-кво и ослаблению акцента на восстановлении территориальной целостности государства. В Армении они воспринимались как инструмент международного внимания к проблематике Нагорного Карабаха, но часть общества относилась к ним с подозрением. Кроме того, ограниченная вовлеченность широких слоёв населения снижала долгосрочный эффект проектов.

В совокупности, инициатива Европейского союза по «мягкой дипломатии» создала возможности для поддержания каналов общения и формирования предпосылок к будущему урегулированию конфликта, но не смогла существенно изменить официальный переговорный процесс или позиции конфликтующих сторон. Она продемонстрировала возможности и ограничения инструментов ЕС в регионе, где традиционные политико-дипломатические методы оказались малоэффективными.

Заключение

Рассмотрение политики Европейского союза в отношении Нагорно-Карабахского конфликта до 2020 года позволяет сделать вывод, что его роль носила преимущественно вспомогательный и второстепенный характер. Брюссель не смог утвердиться в качестве самостоятельного посредника, уступив лидирующие позиции Минской группе ОБСЕ и отдельным региональным

²³ **The European Partnership for the Peaceful Settlement of the Conflict over Nagorno-Karabakh: Progress and prospects.** <https://www.international-alert.org/app/uploads/2021/09/Caucasus-European-Partnership-Progress-Prospects-EN-2011.pdf> 12.10.2011

державам. Несмотря на принятие резолюций Европейского парламента, стратегических документов и институциональные усилия по созданию поста Специального представителя на Южном Кавказе, ЕС так и не превратился в полноправного актора переговорного процесса.

Основное внимание Европейского союза было сосредоточено на гуманитарном измерении конфликта. Значительные ресурсы направлялись на поддержку беженцев и внутренне перемещённых лиц, а также на развитие инициатив «гражданской дипломатии». Эти проекты имели важное значение для сохранения каналов коммуникации и формирования предпосылок к примирению в долгосрочной перспективе. Однако их влияние на политическую составляющую конфликта оставалось ограниченным и зависело от восприятия в Армении и Азербайджане. В Азербайджане такие инициативы нередко критиковались как подрывающие вопрос восстановления территориальной целостности, тогда как в Армении они воспринимались как инструмент поддержания международного внимания к проблематике Карабаха.

Кроме того, деятельность ЕС сталкивалась с институциональными и структурными трудностями. Отсутствие единого внешнеполитического курса, необходимость согласования действий с ОБСЕ и ограниченность рычагов давления на стороны конфликта делали невозможным реализацию самостоятельных миротворческих инициатив. Брюссель оставался актором с заметным нормативным и гуманитарным потенциалом, но без действенных механизмов для влияния на баланс сил в регионе.

Таким образом, до Второй Карабахской войны участие Европейского союза в урегулировании конфликта можно охарактеризовать как декларативное и гуманитарное, но не политически определяющее. ЕС выступал скорее как «сопровождающий актор», поддерживающий дипломатические усилия ОБСЕ и реализующий проекты мягкой силы, нежели как полноценный медиатор. Эта ситуация выявила разрыв между нормативными амбициями ЕС и его реальными возможностями, что стало характерной чертой европейской политики на Южном Кавказе.

Перспективы участия ЕС после 2020 года напрямую связаны с его готовностью укреплять политическую составляющую своей стратегии, расширять инструменты внешнего воздействия и согласовывать действия с другими международными и региональными акторами. Опыт участия в Нагорно-Карабахском конфликте показал, что без развития собственных инструментов кризисного реагирования и усиления единства во внешнеполитических вопросах ЕС будет оставаться актором «второго ряда», чья роль ограничивается гуманитарным сопровождением и нормативным присутствием, но не определяет исход ключевых геополитических процессов в регионе.

ƏDƏBİYYAT SİYAHISI – REFERENCES

1. **Азербайджан призвал ЕС не допускать двойных стандартов в карабахском конфликте.** <https://news.day.az/politics/314687.html> 10.02.2012
2. **Бишкекский протокол.** https://www.hrono.info/dokum/199_dok/19940505_bish.php
3. Гусейнов, Фархад. **Азербайджан в геополитической стратегии Европейского Союза. Кавказ и глобализация. Журнал социально-политических и экономических исследований.** Институт стратегических исследований Кавказа. Т.4. Выпуск 3-4. Швеция: SA&CC Press, 2010. с.46.
4. Евсеев, Владимир Валерьевич. **Нагорный Карабах под углом Мадридских принципов.** – Обозреватель-Observer. 2015. № 4 (303), с.44-53.
5. Кузнецов, Олег. **Война за Карабах.** Год спустя. Beynəlxalq münasibətlər təhlili mərkəzi. Баку, 2021. <https://aircenter.az/uploads/files/Voyna%20za%20Karabakh.pdf> 25.10.2021
6. Мамедова-Алиева, Гюнель. **Образование и деятельность Минской группы ОБСЕ по решению Нагорно-Карабахской проблемы.** Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история №8 (48), 2015 г.
7. **Письмо Постоянного представителя Азербайджана при Организации Объединенных Наций от 30 сентября 2009 года на имя Генерального секретаря.** с.18. <https://docs.un.org/ru/A/64/475>
8. Семнеби, Питер. **Южный Кавказ в поисках идентичности.** 22.10.2011. Сайт журнала Россия в глобальной политике. URL: [http://www. Globalaffairs.ru/number/Yuzhnyi-Kavkaz-v-poiskakh-obschei-identichnosti-l-5363](http://www.Globalaffairs.ru/number/Yuzhnyi-Kavkaz-v-poiskakh-obschei-identichnosti-l-5363)
9. **Совет ЕС. Европейская стратегия безопасности. Безопасная Европа в лучшем мире.** Сайт Совета ЕС. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/librairie/PDF/QC7809568RUC.pdf
10. Торопыгин, Андрей Владимирович. **Бишкекский протокол. Как это было: воспоминания и комментарии.** «Евразийская хроника», 2019, № 1, с. 71-78
11. Якоби, Фолькер. **Роль ОБСЕ: оценка международного посредничества.** https://rec-services-assets.s3.eu-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/30_OSCE_role.pdf 28.02. 2016
12. **Azerbaijan: Displaced then discriminated against – the plight of the internally displaced population.** Amnesty International June 2007, AI Index: EUR 55/010/2007.<https://www.amnesty.org/fr/wp-content/uploads/2021/07/eur550102007/en.pdf>
13. **Council Joint Action 2003/496/CFSP of 7 July 2003 concerning the appointment of the EU Special Representative for the South Caucasus.** OJ, L 169/74. 08.07.2003.
14. Coppieters Bruno. **EU policy on the South Caucasus. Policy paper at the request of the European Parliament Committee on Foreign Affairs, Human Rights, Common Security and Defence Policy.** – Brussels. 2004. – P.4. Сайт Европейского Парламента. URL: <http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/committees/afet/20040120/wider%20europe%20caucasus.pdf>; 18.05.2014
15. **European Parliament resolution on the communication from the Commission to the Council and the European Parliament on the European Union's relations with the South Caucasus, under the partnership and cooperation agreements (COM (1999) 272 – C5-0116/1999 – 1999/2119 (COS)).** – Brussels, 28.01.2002.
16. **Internally Displaced Persons in Azerbaijan Livelihoods, Services and Intentions.** 12.04.2023 Social Sustainability and Inclusion Global Practice.

- <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099062923164533460/pdf/P178-1240984ec608108c7f0164f8d0b3c98.pdf>
17. **Lisbon Treaty**. 01.12.2009. <https://www.consilium.europa.eu/en/lisbon-treaty/?utm>
 18. Lussac, Samuel. **Geopolitique du Caucase**. Au carrefour energetique de l'Europe de l'Ouest. Paris: Technip, 2010. p. 71.
 19. **Madrid principles**. Full text. <https://www.deutscharmenischegesellschaft.de/wp-content/uploads/2016/04/Madrid-Principles-%E2%80%93-Full-Text-20071129.pdf>
 20. **Resolution du Parlement Européen du 20 mai 2010 sur la necessite d'une strategie de l'Union Europeenne en faveur du Caucase du Sud** (2009/2216 (INI)). Сайт Европейского Парламента. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P7-TA-2010-0193+0+DOC+XML+V0//FR>
 21. **Solana Javier. L'Europe sure dans un monde meilleur**. Conseil Europeen de Thessalonique. 20 juin 2003. Сайт Совета ЕС. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/FR/reports/76256.pdf
 22. **The European Partnership for the Peaceful Settlement of the Conflict over Nagorno-Karabakh: Progress and prospects**. <https://www.international-alert.org/app/uploads/2021/09/Caucasus-European-Partnership-Progress-Prospects-EN-2011.pdf>
 23. 1993 **UN Security Council Resolutions on Nagorno-Karabakh**. [https:// 2001-2009.state.gov/p/eur/rls/or/13508.htm?safe=1](https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/or/13508.htm?safe=1)

MÜƏLLİF HAQQINDA MƏLUMAT – INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Qasimova Turan Xeyirbəy qızı – AMEA
A.A.Bakıxanov adına Tarix və Etnologiya
İnstitutunun doktorantı. Azərbaycan, Bakı

Gasimova Turan Xheyirbek – Phd student at the
Institute of History and Ethnology named after
A.A.Bakikhanov of ANAS. Azerbaijan, Baku